

# У НАЙМЫ.



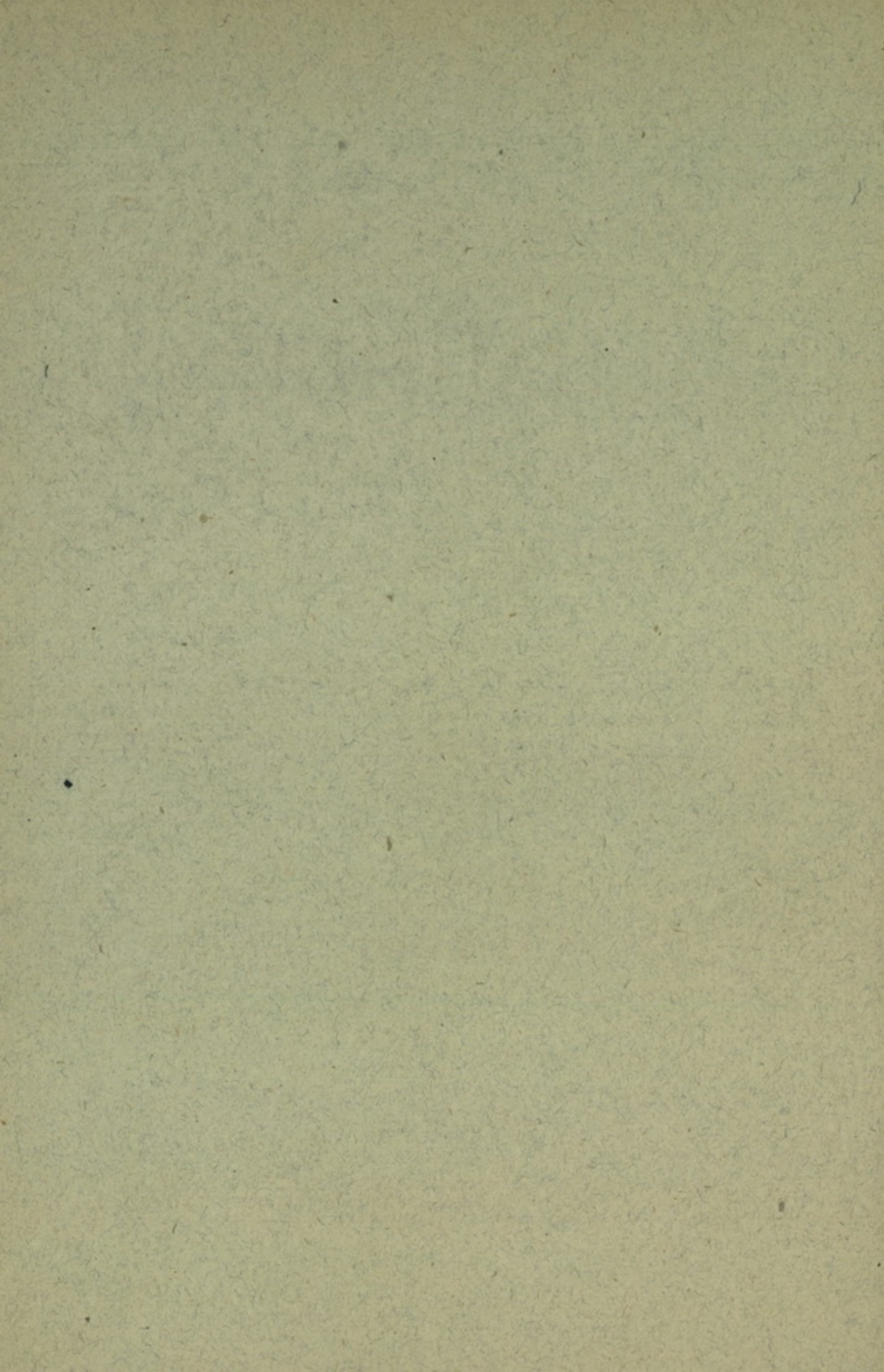
(Образокъ зъ жыття Днипровського повіту 1887/8 року).



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Дома Приз. Малолѣтн. Бѣдн. Лиговка, № 26.

1891.



# У НАЙМЫ.



(Образокъ зъ жыття Днипровського повіту 188<sup>7</sup>/<sub>8</sub> року).

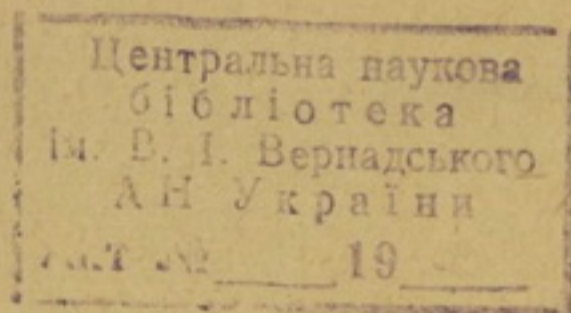


С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтн. Бѣдн. Лиговка, № 26.

1891.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 Декабря 1890-го года.



# У НАЙМЫ

(Образокъ зъ жыття Днипровського повиту 1887/8 року).

Нема краю широкому, вильному степу! Простягся винь ривный, ривный видь кучугуривь Днипровыхъ ажъ до самого Сывашу, уперся въ его, ставъ неначе на годыну, а дали перекинувся черезъ Сывашь, задавывъ его своею велычезною ривнотою и простягся вже вильно дали и дали, зачепывъ ричечкы Молочну, Динь и пропавъ десь... Коло самого моря лежыть винь—неначе зальщяється зъ нымъ широкымъ и такимъ же вильнымъ: якъ два браты, одынъ тихій, до осели прыхильный, а другый—ворогъ хаты... Видь Днипра степъ хороший, коло Сываша—понурий, биястый, зъ лысынамы. Тай не дыво ему засумуваты коло такого сусиды. «Никчемне море» и коло его, и надъ нымъ:

И небо невмыте, и заспани хвыли,  
И по-надъ берегомъ геть-геть,  
Неначе пьяный, очереть  
Безъ витру гнеться...

А трохы дали одъ того нудного берега, де тилько верблюжка \*) червоненька—неначе кровь—розлыта, або м'ясыста—неначе слезамы вкрыта, дали

. . . . . не говорыть,  
Мовчыть и гнеться, мовъ жыва  
Въ степу пожовклая трава.

Оттакий-то шматочокъ степу, про который иде ричъ.

Цей рикъ велыкий Богъ не хотивъ глянуты на степъ шырокий Своимъ мылостывымъ окомъ; прогнивылы Его Мылосердного, одвернувъ лице Свое и въ той ментъ мертвымъ витромъ повіяло... Все, що зъ весны потяглось зъ земли багатои, все зразу стало умирать. Витеръ зъ схидъ сонця вівъ, дувъ немылосердно, лютовавъ якъ хотивъ, всяку былыну, стеблыну звялывъ, зсушывъ. Зеленый хлибъ выйшовъ зъ земли травыцею роскошною, неначе кылымомъ вкрывъ степъ; повівъ сердытый витеръ—и травыця звернулася у дудочку, завьяла, головонькы зхылыла до долу, пожовкла—и вмерла на вики... Курай колючый, та живучый, перекоты-поле чудовне, та летюче—видъ того витру повмиралы, и на Иллю святого степъ по-

---

\*) Трава, портулакъ.

чорнивъ, неначе ярына у осени, сирюю землею, якъ попеломъ вкрывся. А чоловікъ, хлиборобъ слезою гиркою вмывся... Дрохвы поутикалы, стрепеты знялыся и не верталысь, степъ захоловъ, замеръ.

Тилько Сывашъ своею важкою, сывою, якъ мертве око, хвылею лыже жовтый и попелястый берегъ.

По жовтій земли розкынулось село, якъ въ писни кажуть, стоить невесело. Хаткы маленьки, зъ глыны складени; побривли, якъ у татаръ, нызьки, глыною вкрити; повиткы и сараи глыняни. Хата видъ хаты на пивъ версты, а вулиця— якъ колышни шляхы. И все те жовте, прежовте: й хаткы, й земля, й небо—все жовте. По всему селу ни одного деревця немае; будякы, що иноди ростуть рясно, та густо, и ти жовти, обскублени. Тилько середъ самого села велька, била церква сяе золотою банею и радуе втомлене око зеленымъ цвитомъ. По селу розбрелась худоба: кисткы та шкура одвысла на ій; кони зовсимъ запаршывили. Нигде коло хать и на гарманахъ ничогисенько немае: ни соломы, ни сина, ни половы... А по за селомъ стоить будка, соломою вкрита и коло ней велька жердына, а на ій вихоть соломы, та пучокъ ризокъ. Вартови стоять и денно и ношно,—

то въ сели чума, а вихоть та ризкы говорятъ: не идь, чоловиче, бо бытымуть!

Чудно на свити робыться! Якъ по за хатою стожки весело красуються на сонечку божому, якъ на гармани повни кони, сыта худоба,—то коло хаты стоять стижечкы палыва—кырпычу (кизяку), по двору птыця вештається та щепотыть, свыня хрюка; у хати весело, видкиля тыхъ квитокъ навезуть; дивчата писни спивають, весилля грають на сели, на вулыци люде ходять, паробкы спивають,—а коло шынку, якъ коло вуля у теплый ясный день, такого тамъ людей... А якъ по за хатою голо, та пусто, та нигде немае ничего—сумъ, тыша и въ хати, и на вулыци, а жыдъ у шынку цилый день спыть, або зачыныть шынокъ и повіється зовсимъ зъ села. Проидешъ черезъ таке село, сумъ, нудьга нападае; якъ бы не грихъ, такъ бы на тій жердыни и зависывся.

Голодъ у сели. Страшне слово! Члены земськи трычи прыиздылы, прывозылы гроши; прыихалы ажъ тры валкы зъ хлибомъ,—але той хлибъ на новый посивъ,—а исты... исты—Богъ дастъ. И Богъ давъ. Люде коней запрягалы, самы посадалы и потяглыся въ Херсонщыну, де Богъ хлиба давъ; одни повіялысь ажъ за Мыколаивъ, други



поихалы ажъ у Кыивщину... На сели тилько жинкы зъ дитьмы зосталыся, та слаби...

Зосталась удова Ганна и коло неи пьятеро дитей: Степанъ чотырнадцяты годъ, Марыся дванадцяты и трое зовсимъ малыхъ, такихъ, що меньшому рикъ мынувъ.

Степанъ уже другый рикъ у наймахъ, винъ за кухаря коло котыгы, бувъ пидпасычемъ коло шматка шпанкы, а дали у кухари перейшовъ. Другый рикъ якъ винъ у багатого нимця по трыдцять карбованцивъ на рикъ ставъ и гроши прыносывъ Ганни. Велыку помичъ дававъ. Прыйде було—уси радють: маты не знае, де посадыть, Марыся клопочеться коло его, роспытует, якъ и що у панивъ, чи велыке село Чапли, чи велыка отара, якъ квиткы растутъ у городахъ панивъ; малеча лизе. А маты подывыться и нышкомъ заплаче. Коженъ разъ, що прыходывъ Степанъ—нужа его заидала; сорочки немае — шматочки закаляни замисть неи. Обмыють его, одягнуть у чысте шмаття, одпочыне дома день, або й два и пиде знову на степъ. Жылося Ганни не дуже погано; хлиба було доволи торивъ, хватыло ажъ до нового,—а нового Богъ-ма,—та ничого, миркуе удова: прыйде на Покрову Степанъ и прынесе гроши.

Цилый день у Покровы ждалы Степана—не прыйшовъ. Другой день Марыся ажъ на толоку вышодыла назустрічъ—немае Степана. На пятыи день тилько прыйшовъ Степанъ и прынисъ клунокъ: въ ему було дви сорочки, постолы, батигъ,—усе его збижжя. Дуже зрадили ему.

— Що жъ це ты, сыну, такъ запизнывся?.. Мы тебе чекалы ще на Покрову, якъ торикъ...

— Такъ, запизнывся, бо...

— Що жъ це ты и клунокъ свій забравъ?

— Я, мамо, зовсимъ прыйшовъ.

— Якъ зовсимъ? перелякано спытала Ганна, и сердце іи захололо.

— А такъ.

— Хиба жъ тебе выгналы?

— Выгналы.

— Ой лышенько! За що жъ, сыну, выгналы? може ты самъ не схотивъ?

— Ни, я хотивъ, а шахмейстеръ прыихавъ и звеливъ иты до дому, я й пишовъ.

— Якъ же це такъ? Робывъ, робывъ, а проты зимы взялы, тай прогналы? Сыну мій коханий! ты видъ матери не таисъ: може ты що вкравъ, або що?

— Ни, мамо, не кравъ.

— Може яке ягня заризалы та ззилы?

— Ни, не ризалы... У Хвейна не можно: вивци личени и колы яка пропаде, одибъется—заразъ штрапъ, а якъ здохне—маханъ собаки виддай, а шкурку шахмейстрови. Ни, тамъ не вградешъ, не зъисы.

— За що жъ, за що жъ воны таке роблять? А други зосталысь, чи й другихъ порозгоняно?

— Ни, зосталыся... Оце атаманы и стари чабаны зосталыся, а усихъ пидпасычивъ зъ нашихъ сель прогналы. Казалы, що у Каховци на ярмарку полтавци поставалы дешевше на зиму, а котри булы до Покровы у насъ такы, да у якономіяхъ—ти за харчъ сталы.

— Головонько жъ моя бидная! И грошей не далы?

— Не далы. Казалы, що уси забравъ, а упередъ не дають; такой прыказъ. Казалы, що хлиба и сина немає, такъ усимъ дають менче.

— Лышенько-жъ мое! чымъ же я годуватыму васъ, диткы мои кохани? заголосыла Ганна, а за нею и менши диты.

Довго вона плакала, бо бачыла, що зима прыйде, заробыть нигде, бо и въ Перекопи—и тамъ людей повно, за хлибъ роблять,—просто табы лягай, тай умирай.

— Мамо, а мамо! Та вы тое... чого вы плачете?

А може й перезимуемъ... говорывъ Степанъ.— Сыну, мій сыну, дурна ты дытыно. Якъ же мы перезимуемъ? Безъ тебе було важко, а тутъ ще й тобі треба шматокъ хлиба,—де жъ я его визьму?

— Та воно може... якъ небудь... Може й перезимуемо.

— Ахъ! промовыла Ганна: дурне, дурне...

Хлиба жъ, хвалыть Мылосердного, було трохи, на мисяць стане, або й на два.

Заходылысь варыты исты. Марыся прынесла кырпычу, запалало у печи. Закыпила вода, вкынулы шматочка зо тры бурякивъ, та кислого каменю, що въ Перекопи купують, та солы—отъ и борщъ. Хлибъ черствый и того по шматочку дае Ганна. Картопли немає—бо ии й заводу нема, картопля не родыть, а бурякы иноди растутъ; не родыть ніякои огородыны.

Одпочывшы днивъ зо тры, Степанъ пишовъ роспытувать людей, де бъ ему стати хочъ за харчъ. Одни зъ его сміялысь, други казалы: ты, Степане, хочъ и малый, а вже велькый дурень. Хиба не бачышь, що тутъ робыться? Самымъ исты ничего, а ще й наймытивъ держаты.

На Михайла пишовъ винъ до молоканивъ, чи

не прыймутъ до отары. Не прыйняли, бо позганыялы вивци на други степы, у други повиты—туть ничымъ годувать шпанку. Уже й морозы взялыся. Зима рано прыйшла. Оце уранци устане Степанъ, визьме дви виревкы, та у двоихъ зъ Марысею идуть на степъ збираты палыво—курай. Цилый день проходять, сонечко сяде, а воны по стеблыни збирають и прынесуть вязку, або й дви. На одну ничь не стане.

Хлиба все менче и менче у комори.

— Лышенько мое! хочъ бы ты, Степане, де ставъ ато исы багато, бачъ хлиба вже мало зосталось...

Посыдивъ ще Степанъ день, походывъ, назбиравъ кураю, а у вечери и каже:

— Мамо!

— Чого, мій голубе?

— Я пиду... бо мали диты у васъ... Зоставайтесь самы.

— Куды жъ ты пидешъ? Де жъ тебе прыймутъ?.. Ты жъ ще хлопья мале...

— Пиду...

Уранци Степанъ узявъ шматокъ хлиба, у клунокъ сорочки и батигъ и пишовъ зъ села. Однимъ ротомъ менше стало. Тыжня черезъ два писля св. Мыколая настала зима, да така, якои десять годъ

уже не було. За кураемъ уже ходыть не можна, бо весь выбрали, а надто ще й снігомъ замело. У хати—якъ на двори; стины уси ледовою корою вкрылыся, у куткахъ снігъ лежавъ. Одсунулы лавкы одъ стинъ, уси сыдять на печи, але й пичъ холодна, бо немає палыва. Зъ ранку до вечора ходять Марыся зъ Ганною по селу и по за селомъ збирають кизякъ... Та де тамъ збирать! Скотячій ликаръ зъ урядныкомъ палять гній, бо чума на худоби, не можна, кажуть, его держаты—прыказъ такой.

Мынуло й Риздвяне свято. Завше весело було у це велыке свято—а теперь тыхо: не чутно ни писень, ни гомону на вулицы. Де-не-де хтось заспыва, та й зныкне—фуга не дае и цымъ двомъ, тремъ веселымъ молодымъ душу одвесты.

Настала й голодна кутя. Для Ганны й справди голодна: ни пырогивъ не пеклы, ни кути не варылы. Передъ вечеромъ сумно було у хати, диты щось щебеталы, тай замовклы; менши заснулы, а старшенькій хлопчыкъ на печи сивъ коло Марыси, обнявъ ии и тихенько щось пытавъ.

— Марысю, а Марысю! Чи у всехъ кутя бува?

— У всехъ, любенькій.

— А у жыдивъ? У жыдивъ мабутъ не бува.

Не бува, Марысю?

— Ни, не бува у жыдивъ, тилько у тыхъ, що до церкви ходять.

— А солодка кутя у панивъ? Га? Солодка? И узваръ мабуть е? Е, Марысю? Мени Степанъ казавъ, що у правляющего ой солодкый, ой солоодкый...

Ганна засвитула свичечку шагову воскову передъ иконою, стала на вколишкы и тутъ усю душу вылыла... Наболело у сыроты. Згадалось їй дивоцтво, якъ той сонъ, якъ блыскавка засвитулась, а дали їи весилля, трудове жыття зъ любимъ чоловікомъ, а дали, дали... тилько слезы закапалы зъ очей. Вона проказувала уси молитвы, яки знала, а потимъ прыпала до земли и застыла...

Диты замовкыли: Ивашко и Марыся злякалысь, якъ стогне, та плаче маты.

Ажъ ось двери скрипнули и на порози стала стара бабуся, сусидка Ганнина.

— Будьте здорови зъ святымъ вечоромъ, промовыла вона суворымъ, товстымъ голосомъ.

Ганна схопылась, диты боязно выглядалы з-за комина—вони їи страхъ якъ боялысь.

— Отъ якъ у васъ... Звычайвъ старыхъ не держыте. Я хрещена маты, а хрещеныця Марыся мени кути не прынесла ни на свято, ни сегодня. Я ждала, ждала и розсердылась, дуже розсердылась.

— Бабусю голубонько, — нема у насъ кути, тому й не носыла Марыся...

— Эге! Такъ що жъ, що нема? Такъ може у мене е?.. Треба було й такъ прыйты.

— Выбачайте на цей разъ: соромъ, такой соромъ ходыты по чужыхъ хатахъ... Мы ще до цего не звиклы...

— Эге, не звиклы... Тилько сердыте мене... Злазь зъ печи! Чуешъ, Марысю. Злазь и тягны дитей, сердыто говорила баба.

Марыся и диты позлазыли. Баба выйшла у сины, внесла й поставила на столи горщыкъ кути, паляныцю и зъ пьять пырогивъ.

— Якъ ты мени не прынесла, такъ я тоби прынесла. Сидайте, ижте; а спершу треба хрестытыся. Диты хутко силы за стилъ и узялись исты.

— Спасыби вамъ, бабусю, заговорила Ганна.

— Що таке?

— Спасыби, кажу, що прынеслы...

— Я не тоби, не твое дило мене вчыть... То не твое и не мое — Боже, отъ чые... Сидай коло мене... Отъ що, знаешъ Мыколаивку?

— Знаю, бабусю.

— И дорогу знаешъ?



— Знаю добре й дорогу, це видъ насъ 25 верстовъ шляхомъ.

— Добре, колы знаешъ. Сегодня вернувся мій Денысь, винъ привизъ зъ Херсонщины Петра Будька до дому; коло Мыколаевки на хутори Будько продавъ коней и заробывъ сылу грошей. Такъ ему Богъ давъ. А дома его жинка слаба. Винъ казавъ, щобъ Денысь прыславъ до него на хутиръ дивчыну за няньку, до дитей... отъ що. Марыси уже 12 минуло... Помиркуй, може виддасы...

Ганна зомлила: жаль ухопывъ за сердце; вона подывылась на Марысю и слезы закапалы зъ очей.

— Марысю, говорыла баба—хочешъ у наймы? Хочешъ за няньку стать?

— Хочу, бабусю, колы гроши мамци дадутъ на хлибъ.

— Дурна! Звисно дадутъ... Дурна! Иды сюды. Марыся наблыжылась до бабы. Баба перехрестыла ии и поцилувала.

— Дакъ якъ тое, якъ хочешъ—треба хутко, треба завтра йты... Прощавайте...

И пишла соби стара.

---

Цилу ничъ Ганна збиралась, не спала, та ныщечкомъ плакала. Воно може й чудно, але якъ не плакаты баби—дытыну отдаючы у наймы, та ще зпершу зъ дому выряжаючы? Передъ свитомъ збудыла вона Марысю, дала їй шматокъ хлиба за пазуху, одягла їи у дви сицеви спидныци, тепли панчохи, стареньки свои башмакы, кохту на вати и зверху стару, рвану кожушанку, на голову два платкы надила, а сама одяглася у свыту, бо кожуха не було—Степанъ забравъ, якъ пишовъ.

— Що це ви, мамо, плакалы?

— А плакала, Марысю...

— Не треба, мамо, я служытому добре, догожу хозяйци, а вы гроши визьмете, та борошна купыте.

Зибралысь. Ганна повела Ивашка и двоухъ малыхъ до сусидкы бабы. Ивашко ставъ на порози.

— Марысю! А Марысю! не йды... замелзнешъ... не тлеба... и заплакавъ.

— Да йды вже! Дурне, бачъ карка, якъ той воронъ, промовыла Ганна, а серцеви щось говорило: не йды!

Може й справди не йты? А исты що? А чымъ дитей годуваты? Попухнуть зъ голоду.

На двори падавъ маленькій снижокъ. Сонця не

було ще: тилько на свить благословлялось. Витрець пивночный потроху дмухавъ.

Выйшы. Коло церкви помолылысь Богу и пишы за село.

Куды не глянешъ—ривно, ривно. Небо заволокло хмарою билою и не розберешъ, де те небо починается и де безбрежне снигове море кинчается.

Пройшы уже й могылу на третій верстви—степь дали ще ривнищій й краю ему немає.

Литомъ степь чудовый, хороший, а все жъ якыйсь таемнычый, а снигомъ вскрытый—суворый, страшный.

Вже й потомылысь добре, а ще—якъ думалось Ганни,—й половины дороги не пройшы. За могылою витрець, що подыхавъ не ривно, потрошку теперъ крипчавъ. Зирвется винъ звирюкою лютою видкилясь зверху, вдарытся объ землю и выхватить велыку кучу снигу, пидійме его трохи одъ земли й несе, несе... А зверху, зъ того доброго неба, пада й пада снигъ. Несется витерь хуртовыною, забира зъ собою легенькій снижокъ зъ земли, забира по дорози и той, що пада зъ неба и несе его назустрічь подорожнимъ.

Ганна трохи втомылась, Марыся ледве йде... Отъ хуртовына налетила на ихъ, змело зъ дороги

чысто весь снігъ, вдарыло у облыччя, забыло духъ—и воны стали... Дали йты легче. Снизку нема... воны йдуть хутко.—Другый стовпъ навязанный летыть, забыва духъ, липыть очи, ножемъ гострымъ руже облыччя. Воны йдуть, розигналыся трошкы по ривній земли и зразу—шубовсть у снігову кучугуру. Марыся завязла по плеча, Ганна упала. Перевелы духъ. Ганна стала вытягать дытыну, бере іи за руку, тягне. Ледве, ледве вытягла; выйшлы на ривне мисце, тутъ тилько снігу по коліна... Давно вже за панчохи набылося снігу, давно вже Марыся плаче... стала, плаче...

— Мамо, мамо! Руки болять...

— А ногы якъ, чи чуешъ ногы?

— Ни, мамо, не чую, болилы, а теперъ не чую.

— Ну одпочынемъ... Здіймай башмакы.

Не змогла Марыся зняты ихъ. Стягла Ганна, стала терты ногы: били, били, а пальци, якъ палочки. Тре снігомъ, красніють.

— Тры, Марысю, руки снігомъ, сядь за витромъ.

Плаче й не ворушыть рукамы.

Оттерла Ганна ій руки.

— Поижъ, доню, хлибця.

— Не можу, мамо, хлибъ якъ кистка, не вку-  
сю, замерзъ.

Одпочылы... А часъ не гаится, часъ иде, а мо-  
гылы на половыни дороги не выдно.

А хуртовына вѣется, гудыть, вые, якъ люта  
звирюка. Ажъ темно стало...

Тягне Ганна за руку дытыну. Тутъ и самій  
йты важко по глыбокому снигови, проты витру,  
а ще тягты іи за собою!.. Снигъ йде, фуга вые.  
Отъ уже й могыла... Бильшь половыны одійшлы,  
верстовъ 8 зосталось... незабаромъ и Мыколаивка.  
Ще трошкы силы... Витеръ неначе затыхъ, не  
такъ забыва очи снигъ.

— Мамо, чи далеко ще? говорыть Марыся лед-  
ве, ледве идучы.

— Ось, ось заразъ. Бачышь могылу? отъ якъ  
перейдемо іи, то й Мыколаивку литомъ выдно...  
Заразъ буде.

Пройшлы могылу...—Що жъ це? Витеръ повер-  
нувъ: то бувъ прямисенько у обличчя, а теперъ  
збоку. Що-жъ? Це витеръ повернувся, чи мы зблу-  
дылы? думалось Ганни и великій острахъ уxo-  
пыхъ іи душу... Ни, то витеръ.

Идутъ добре... Ганна тягне Марысю... Пройшлы  
зъ годыну,—а Мыколаивкы не выдно... Сталы,  
2\*

слухають, чи не прынесе витерь собачого голосу зь села... слухають, а винь несе у-у-у—такъ жалбно, такъ гризно.

— Мамуню, мамуню! Я боюсь! Хтось плаче...

— Ни, любко, ништо; то тобі здається, то, Марысю, витерь.

Марыся дрижыть видь холоду и переляку.

— Може бь вернутыся до дому? не разь западала така думка Ганни. А исты?... а диты? А борошно? Де жь его взяты? Хиба жь Бога немає? Треба йты.

И теперь стала вона и дума: повернуть хиба назадь? Далеко одійшлы, близче йты... А якъ заблудылись? Господы Милосердный! Дай сылы! И вона пишла.

На часыночку витерь затыхь було—неначе драгувавь, и знову понись снигь, бье очи, риже, пече лыце й руки, збыва Ганну и Марысю то у одынь бикь, то у другый.

— Я дійду... А Марыся? Куды-жь ии веду! Дочку на смерть веду... Хиба жь на смерть? у наймы йдемо. И чого це мени тая смерть прыйшла у голову.

— Мамо! Я не можу йты... не можу.

Марыся упала.

— Чого ты? Иды, що ты, дурна, замерзнуть хочешъ, чи що? отъ недалеко. Уставай, ходимъ.

— Не можу, я спаты хочу.

— Иды, я тебе буду тягты, за обыдви руки. Поставыла ии Ганна позадъ себе, узяла за обыдви руки и пишла и ии потягла.

Снигъ по колина, Марыся пада, уже й не плаче, не говорыть.

Подывылась Ганна навколо, якъ тильки на хвылыну витрець стыхъ, и побачыла, що билище мисце на неби нызенько. «Господы? То це-жъ сонце сида!? Це вже й до вечера недовго... И куды жъ це мы зайшлы... Сонцevi треба буты по ливоручъ, а воно за спыною сида... Куды жъ це я зайшла? Кудысь у праву сторону? Заблудыла...

Страшне слово у степу; нема страшнищого! Марыся упала и не встае...

— Уставай, ледащо! Уставай, а то бытому, якъ ще николы не была!

Марыся не озывается.

— Чуешъ!?. Уставай заразъ. Уставай. Убью! закрычала не своимъ голосомъ Ганна и кынулась до Марыси.

— Не можу, мамо—ледве озвалась.

— Голубонько, дытыночко моя бохана! Доню

люба! Устань, моя рыбко, оть-отъ вже й село...  
послухай! Чи чуешъ, собаки брешуть?..

— Чую, чую... Дайте руку, пидвести мене...  
я пиду.

Чутно, витерь донисъ лай собачій. Марыся пид-  
нялась, пройшла зъ два ступни и упала.

— Не далеко... донесу, думала Ганна. Взяла  
дочку на руки и понесла.

— Держысь за шыю крипче, прытулысь до мене,  
та не спы.

— Ни, не буду... держусь.

Темніе. Морозъ прытыснувъ дужче. А витерь  
свое робыть—не боиться й морозу.

Несе Ганна доню, иде й хытається. Разъ упала...  
упала й удруге. Нема сылы, не може йты...

А витерь зъ снигомъ гоминъ несе... оть и  
дымку трошкы прынисъ. Село уже зъ верству, не  
більше. Ганна схопылась, ухватила Марысю й  
побигла... Отъ ще трошкы... Господы, Господы!  
Дай сылы!.. Немае, немае... Упала Ганна... не  
може несты...

— Марысю! Спышъ?

— Ни, не сплю... а хочется дуже... Мамо! по-  
кладить мене... я дуже спаты...

— Що-жь мени робить? Покладу іи и хутко до-



бижу до села, тамъ люди дадутъ помочи. Не вже жъ не донесу? Такъ близько? Ни, не донесу, немає сылы...

Ганна зняла зъ себе спидныцю, зняла одынь платокъ; спидныцю розислала, одкынувшы снигъ, поклала Марысю, а платкомъ накрыва іи... Заразъ добижу до села.

— Марысю! не спы, одпочынь, а я заразъ. И побигла по снигу.

Марыся щось говорыть: тепле... сонечко... квиты... й замовкла.

Ганна по колина й выще йде, пада, встае и знову йде... Це тому, що я Богу не моылась... Буду моыться... Господы... Господы... Милосердный...

А снигъ мете, витерьъ лютуе.

— Господы... Що-жъ це я все Господы?.. Яка-жъ вона тая моытва?.. Отъ забула-жъ я іи... забула... уже недалечко... отъ брешуть собаки... Господы! Якъ же-жъ тая моытва? якъ іи звуть?.. Чи добижу-жъ я?.. Знову упала. Немае сылы, немає... Отче нашъ... а! згадала! А Марыся жъ що? Чи не заснула? Якъ засне—вмре... Що жъ... Воля Божа... якъ винь Милосердный хоче... Отъ вже й загата... Слава Богу! Слава Богу!.. Ни, не загата, це гній... Дали, дали! У наймы... у наймы... Знову стало на думци одно слово... у

наймы... Я-жъ хотила молытысь?.. Господы, Боже! поможы! ажъ закрычала Ганна и кынулась бигты, вона йшла коло млынивъ, отъ вона уже стала коло вибна якоисъ хаты.

— Люде добри! Хто въ Бога вируе, рятуйте!

Черезъ годыну, або дви чоловикъ зъ пъять ишлы по за селомъ и промижъ нымы Ганна ледве, ледве ноги волочыла.

— Сюды, сюды, каже вона.

— Буды жъ сюды? Це у балку... ни, не сюды. Витеръ затыхъ, мисяць билолыцый засвитывъ и люде знайшлы Ганнинъ слидъ.

— Онъ-де, онъ-де... крычыть вона и бижыть. Отдали выдно горбокъ снигу.

— Онъ тамъ вона...

Идутъ скорище, прибиглы.

— Вона, вона! закрычала Ганна, кынулась до Марыси и замерла...

Марыся лежала, якъ й лягла: рученята заховани у рукава, ниженькы пидогнула пидъ себе, очыци закрыти, — а выдъ тихій, покійный; усмихъ на ему сяе...

— Замерзла... царство небесне, вичный покій! хтось сказавъ.

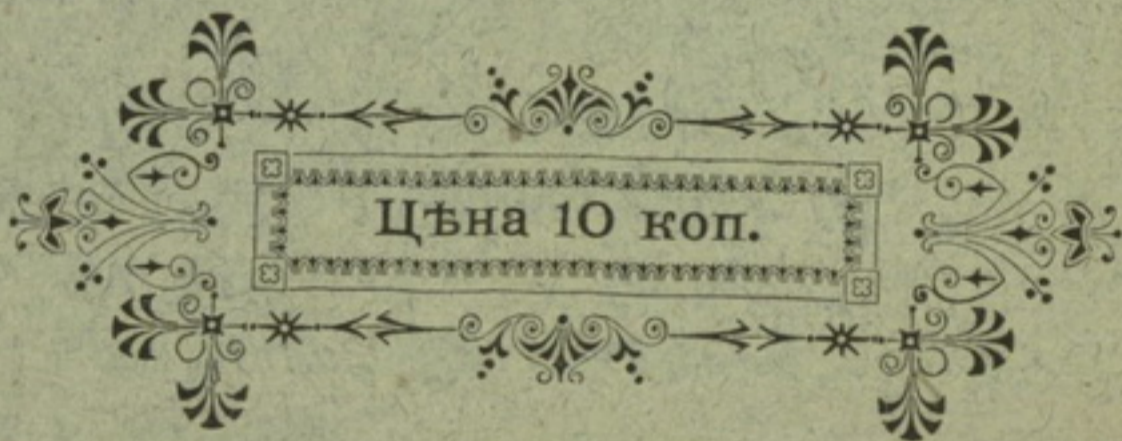
— У наймы... у наймы оддала!! заголосыла Ганна.

*Димитрій Марковичъ.*

1888 р.

Лютого 25.





Цѣна 10 коп.